

THE
LOST
SENTINEL

АЙВИ ЭШЕР

КОВЕН
ОТВЕРЖЕННЫХ

ПОСЛЕДНИЙ СТРАЖ

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Э98

Ivy Asher
AWAKENED AND BETRAYED

Copyright ©2019 by Ivy Asher

Перевод с английского *Е. Заштовт*

Художественное оформление *А. Гаретова*

В коллаже на обложке использована фотография:

© AleksZa Photo / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Эшер, Айви.

Э98 Ковен отверженных / Айви Эшер ; [перевод с английского Е. Заштовт]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.
ISBN 978-5-04-199578-2

Меня зовут Винна, и я Страж. Это раса магов, которую пытались истребить за нашу уникальную силу. Возможно, я последняя из своего рода. Меня прятали и оберегали, но теперь, когда о моем существовании известно, началась жесткая борьба за возможность контролировать меня и мои способности.

Но я никому не подчиняюсь и не сдаюсь без боя. Особенно теперь, когда в моей жизни появились пятеро парней, которых я готова защищать любой ценой.

Я должна овладеть своей магией и подготовиться к битве. Пришло время показать, на что я по-настоящему способна.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-199578-2

© Заштовт Е., перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

*Всем, кто смог подняться после того,
как мир попытался их сломить*

ГЛАВА

1

Лес остается позади, и за окном внедорожника вскоре начинают мелькать кирпичные дома центрального района Утешения. Раньше, когда я бывала в сердце города кастеров, он казался мне безмятежным и по-домашнему уютным. Но теперь я чувствую тревогу. Нокс сжимает мои пальцы, поддерживая меня и пытаясь отвлечь от грустных мыслей.

— Что мы будем делать после того, как разберемся со старейшинами? — спрашивает он.

Парни пожимают плечами, а глаза Валена находят мои в зеркале заднего вида. Несколько секунд мы молча смотрим друг на друга, затем он снова сосредотачивается на дороге, оставив вопрос Нокса без ответа.

Прошло три дня с нападения ламий. Три дня с тех пор, как я потеряла Талона. Все эти три дня я просидела с ребятами в комнате, не желая никого видеть. Кто-то стучал в дверь, но я была равнодушна к стуку. Меня не трогали извинения, выкрикиваемые с улицы. Все, что происходило за пределами моей комнаты, меня не интересовало.

Так было до вчерашнего дня, пока мне под дверь не подсунули приглашение явиться на собрание Совета старейшин. Судя по всему, их терпение наконец-то лопнуло, из-за того что я не дала никаких ответов и отказывалась

видеться с кем-либо, кроме ребят. В приглашении не было четкого «явиться, иначе мы примем меры» — написано вежливо и витиевато, но смысл очевиден.

Внедорожник съезжает по рампе, и Вален выруливает на парковочное место. Мы выходим из машины, и по подземному паркингу эхом разносится звук захлопывающихся дверей. Ребята окружают меня, мы идем к лестнице и начинаем подниматься.

Не знаю, осознанно или нет они занимают свои позиции, но от этого мое израненное сердце наполняется нежной любовью. Вален и Бастьен идут позади меня, Райкер — слева, Нокс — справа, а Сабин ведет нас всех за собой. Судя по их лицам и по тому, как они меня окружили, они совершенно точно меня защищают. Все в них кричит: «Чтобы добраться до нее, вам придется столкнуться с нами».

Я активирую руны на груди, позволяя чувствам перетечь в них. Я впервые это делаю с того момента, когда мы выяснили, на что мои руны способны, — с той самой ночи, когда ребята получили метки Избранных. Мне нужно, чтобы ребята почувствовали мою любовь и благодарность за то, что они для меня делают — и *все это время* делали.

С той самой минуты, когда меня вынесли из машины, перемазанную кровью и пеплом, обо мне заботились, меня терпеливо выслушивали и поддерживали так, как никто и никогда прежде.

Большую часть своей жизни я пыталась подняться на ноги после того, как мир раз за разом обрушивался на меня по полной. Не считая Талона, я полагалась только на себя. Но теперь все меняется. Я начинаю понимать, что могу разделить свою скорбь и душевные страдания еще с кем-то. Мне вовсе не обязательно быть одной против целого мира. Если только я сама этого не захочу.

Дать ребятам почувствовать, что я сама сейчас переживаю, кажется мне в миллионы раз лучше, чем прибегнуть к любым словам, которые все равно не смогут передать, как много они для меня значат. На их лицах проскальзывают признательные улыбки, но мы продолжаем молчать, не теряя бдительности.

Мы доходим до лестничной площадки, и я быстро отключаю руны.

Нас ожидает одинокий кастер. Он едва заметно кивает в знак приветствия и велит следовать за ним. Я делаю глубокий вдох и натягиваю нейтральную мину на лицо. Меня не радует то, что сейчас произойдет. Не хочу, черт возьми, описывать, что там было, как и отвечать на вопросы по этому поводу.

Я и без того проживаю случившееся каждый день.

Уверена, старейшины и так получили подробные отчеты от тех, кто был там в ту ночь. Не понимаю, почему им так необходима моя версия. Что, по их мнению, я могу добавить такого, чего им уже не рассказали?

Обсуждая это, мы с ребятами пришли к выводу, что приглашение не столько связано с моей версией событий, сколько с тем, что Совет старейшин хочет узнать подробнее о моих способностях. И к сожалению, существует огромная вероятность, что они захотят получить больше информации о том, что такое Страж.

Как бы я ни надеялась, что сковывающее заклинание, наложенное на мое прочтение, сохранит мою сущность в тайне, я уверена, что эти чертовы ламии разбили эту надежду в пух и прах. Если Энох и остальные были достаточно внимательны, у них возникнут вопросы. Полагаю, есть ничтожный шанс, что обращение «малышка Страж», которым щедро разбрасывался в подвале Фарон, там и похоронено, но я ни на что не рассчитываю. Учитывая это обращение, предсмертный рассказ Талона

о моем происхождении и проявление некоторых моих способностей, сомневаюсь, что хоть чему-то из этого удастся остаться в тени, как бы мне ни хотелось обратного. Энох не станет утаивать от своего дорогого папочки секреты. Досадно только, что по стечению обстоятельств его отец — член Совета, а их отношение ко мне по-прежнему не определено.

Ведущий нас кастер открывает богато украшенные черные двери, и мы вслед за ним входим в помещение, напоминающее залы суда и амфитеатра одновременно. Слева от меня, за расположенным на возвышении партоподобным столом, восседают члены Совета. Я узнаю троих — тех, с кем уже успела повстречаться.

Старейшина Балфур, тучный и лысеющий, смотрит на меня с видом, который так и говорит: «У меня есть дела поважнее». Старейшина Найпан дружелюбно и сияюще улыбается, и от его абсолютно лысой, черной как смоль головы отражается, подмигивая мне, верхний свет. Без шуток, ему бы поговорить со старейшиной Балфуром о том, чтобы тот присоединился к движению «лысина — это красиво». Если старейшина Найпан чем-то похож на певца Сила¹ и ему лысина к лицу, то старейшина Балфур походит на пухлую версию Джорджа Костанзы².

Пока мы рассаживаемся, старейшина Клири наблюдает за мной, и его короткие, со вкусом уложенные свет-

¹ Британский темнокожий певец, выступающий под псевдонимом *Seal* (наст. имя Генри Олусегун Адеола Сэмюэл, род. 1963). Красная волчанка, перенесенная в детстве, оставила шрамы на его лице, так что внешность у него запоминающаяся. — *Здесь и далее примеч. ред.*

² Один из главных персонажей американского телевизионного сериала «Сайнфелд» (1989–1998); роль Костанзы, тоже, кстати, лысого, но еще и толстого, исполнил актер Джейсон Александер.

лые волосы подчеркивают яркость голубых глаз. Я вижу черты Эноха в его лице, но это лишь легкие штрихи тут и там, и мне становится интересно, как выглядит мать парня. Еще двоих я не знаю, только имена: один — старейшина Ковка, второй — старейшина Альбрехт, но кто из них кто, я сказать не могу.

Отвожу от них взгляд и натыкаюсь на Лахлана. Он и его паладинский ковен сидят на некоем подобии скамьи присяжных чуть в стороне. Я впервые вижу их с момента, когда они толпились вокруг черного внедорожника. Мои глаза встречаются с пристальными взглядами Айдина и Сильвы, но я быстро отвожу их. Энох, Нэш и Каллан сидят на аналогичной скамье присяжных на противоположной стороне зала. Энох кивает мне, и я в ответ легко приподнимаю подбородок.

Нас с ребятами сопровождают до тех пор, пока мы не оказываемся в самом центре. Все здесь пропитано утрачением и властью. Я вынужденно поднимаю взгляд на старейшин, восседающих, словно на троне, на своих креслах, плотно придвинутых к столу. Нисколько не сомневаюсь, что они хотят, чтобы мы почувствовали себя в этой комнате маленькими и менее значимыми. «Попытки манипулировать нами», — говорю я себе, а старейшина Балфур тем временем приказывает парням занять места позади меня.

— Приветствуем, Винна. Мы рады, что ты смогла прийти и что ты выглядишь гораздо лучше, чем в последнюю нашу встречу, — приветствует он меня.

Мгновение мы оценивающе смотрим друг на друга, после чего я решаю, что он ждет от меня какого-то ответа.

— Насколько мне известно, призыв есть призыв. Мне жаль, что кровь и пепел не пришлись вам по вкусу. А я-то думала, что была хороша, — невозмутимо говорю я.

По комнате проносятся смешки, а старейшина Найпан закашливается. Я успеваю заметить улыбку на его лице, прежде чем он прикрывает ее, поднося ко рту кулак. А вот старейшину Балфура это не веселит, если судить по тому, как морщится кожа вокруг его глаз, когда он прищуривается, глядя на меня.

— Винна, твое присутствие здесь было необходимо для того, чтобы решить одну доведенную до нашего сведения проблему.

Он делает драматичную паузу, и я жду, когда он продолжит.

— Не могла бы ты рассказать, почему тебя обнаружили на обочине без обуви, без машины или любого другого средства передвижения и без возможности с кем-либо связаться?

Наклоняю голову набок и непонимающе смотрю на старейшину Балфура, пытаюсь сообразить, почему он задает мне этот вопрос. Мой взгляд сам собой переходит на Эноха, и я делаю вывод, что источником этих незначительных подробностей стал или он, или кто-то из его ковена. Энох подозрительно избегает на меня смотреть.

— У меня спустило колесо, а запаска была лишь одна. Я не взяла с собой телефон и поэтому двинулась в сторону города в поисках помощи.

— И как же так получилось, что ты села за руль без обуви и телефона? — спрашивает старейшина Балфур, с чрезмерным нетерпением подаваясь на своем кресле вперед.

— Прошу прощения, а это запрещено? — в замешательстве спрашиваю я. — Какая разница, почему у меня не было обуви и телефона? Как это связано с вами или с тем, что произошло?

— Винна, нам стало известно, что условия, в которых ты сейчас живешь, могут быть для тебя небезопасны. Старейшина Балфур спрашивает об этом, чтобы мы смогли определить, правда это или нет,— спокойно сообщает мне старейшина Найпан.

Он улыбается по-доброму и терпеливо складывает перед собой руки. Я задумываюсь над его словами и смотрю на Лахлана. Не знаю, почему мне это важно, но мне любопытно узнать, что он думает, ведь из уст Найпана фактически прозвучали обвинения в адрес его ковена. Лахлан сидит, весь вытянувшись, не отрывая взгляда от старейшин. Маска на лице скрывает любые его эмоции, но я физически ощущаю, как от него волнами исходит злость. Он наверняка чувствует на себе мой взгляд, но не оборачивается, чтобы его поймать. Не знаю почему, но на долю секунды мне показалось, что он обернется. Может быть, все дело в том проблеске сострадания, которое я увидела в пропитанном смертью внедорожнике? То, как он смотрел на меня в ту ночь — с сочувствием и горьким пониманием,— совершенно не вяжется с категорией «безнадежный», в которую я его записала.

— Связывалась ли ты два дня назад с некоей Люси Бартон с просьбой оказать помощь в поиске и приобретении недвижимости?

На этом вопросе моя голова резко поворачивается к старейшине Клири. Откуда, черт возьми, ему об этом известно? Я чувствую ерзание за своей спиной: готова поспорить, парни задаются тем же вопросом.

— Да,— отвечаю я, не добавляя дополнительных подробностей.

Айдин вскакивает со своего стула.

— Винна, пожалуйста, ты должна выслушать нас!

— *Тишина!* — ревет на всю комнату старейшина Балфур.

Лицо Айдина искажают боль и мольба, но он повинуется приказу и садится на место. Боль на его лице отзывается во мне, но я стараюсь ее игнорировать и возвожу мощную защиту. Как бы я ни смотрела на происходящее, как бы ни анализировала, ни пыталась заглянуть поглубже в надежде, что просто чего-то не увидела...— правда в том, что я не могу им довериться, а без этого нет и надежды все исправить.

Его полные мольбы глаза ищут трещины в моих доспехах. Какое он имеет право так на меня смотреть? Как будто это я его раню. Да пошел он. Пошли они все.

— Ты несовершеннолетняя, Винна, и до Пробуждения тебе нельзя жить одной,— вежливо говорит старейшина Найпан, вырывая меня из мыслей.

Твою мать, только не снова! Мне двадцать два года, я взрослый человек по меркам страны, в которой мы живем, разве этого недостаточно?

— Я уже давно живу самостоятельно; я могу о себе позаботиться. У меня есть для этого средства и возможности, и я не понимаю, в чем проблема. Ситуация с Лахланом и его ковенном... усложнилась.— Я с мольбой смотрю на каждого из старейшин.— Что бы вы ни сказали, я не собираюсь надолго там задерживаться.

В зале воцаряется тишина. Старейшины устремляют взгляды на Лахлана.

— Откажешься ли ты от своих прав на нее?

В тот самый момент, когда они задают Лахлану этот вопрос, моя надежда на то, что старейшины попытаются взглянуть на ситуацию моими глазами, обращается в ничто. Лахлан отвечает раскатистым «нет», которое сопровождается моим раздраженным вздохом. Почему он не может просто меня отпустить?

ГЛАВА

2

— Мы оспариваем право Лахлана Айдина на Винну Айлин и заявляем собственное право взять ответственность за ее жизнь.

Из-за моей спины раздается ровный голос Валена, наполняя собой пространство. Я оглядываюсь через плечо, и по моим губам проскальзывает легкая улыбка в ответ на его слова. Неотрывно наблюдаю за ним, когда он подходит и становится рядом, и от его близости меня охватывают тепло и уют. Словно я лежу в куче чистой одежды, которую только что достали из сушилки.

— Наш ковен хотел бы заявить Право Связи. Нам известно, что Совет предпочитает дожидаться, пока все стороны не достигнут Пробуждения, но в прошлом допускались исключения, и мы просим сделать исключение и сегодня.

Вален мельком смотрит на Сильву и, сделав глубокий, ободряющий вздох, продолжает:

— Наш ковен согласен, что дом Лахлана и его ковена — не лучшее место для Винны.

Вален едва успевает закончить, как Сильва, Лахлан и все остальные вскакивают на ноги и начинают на него кричать. Парни отвечают на их негодование своим, и комната наполняется агрессией. Я наблюдаю за тем, как ребята защищают меня, обвиняя ковен паладинов